

Толя Устюгов

Моя литература номер 7. Роман: Пилот номер 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Толя Устюгов

**Моя литература номер
7. Роман: Пилот номер 2**

«Автор»

2026

Устюгов Т.

Моя литература номер 7. Роман: Пилот номер 2 / Т. Устюгов —
«Автор», 2026

В данном предоставленном произведении описывается героический подвиг,
вопреки судьбе - злодейке.

© Устюгов Т., 2026

© Автор, 2026

Толя Устюгов

Моя литература номер

7. Роман: Пилот номер 2

Устюгов Толя.

Моя литература № 7.

(2018-й год).

Роман:

«Пилот № 2».

Часть 1.

1.

Некоторые случайности из жизни порой случаются не случайно...

В Кировском районе города Москвы на одной из улиц стоял четырёхэтажный общежительский дом, на последнем этаже которого, как и из многих других таких же семей, жила семья Крылатовых: заботливый отец и любящий муж – Виталий Сергеевич, хорошая мать и верная жена – Яна Александровна, и их общий трёхлетний сын – Павел, который почти постоянно обожал играть только в самолётики. То он с папой из большого картона, или из коробок самолётов навыстригают, то папа ему пластмассовых самолётов разных размеров по праздникам надарит для коллекции, или просто: научил папаша своего сынишку из обычной бумаги самолётики мастерить, и по правильному запускать их, чтобы они дальше и дольше могли лететь. Паше очень любопытно было, и очень нравилось запускать бумажные самолётики, особенно из окна с 4-го этажа. А ещё он любил запускать их наравне полёта с голубями: полетят голуби, или голубь, ну или другая какая-нибудь птица, тут то Паша и запустит с высокого балкона, под присмотром естественно, свой бумажный самолётик, от чего некоторые птицы пугались, разлетаясь во все стороны; другие же, не из пугливых – даже не обращали внимания, продолжая лететь вперёд, ну или перелетая на соседнюю крышу. Также Паша любил рисовать и раскрашивать птиц на сделанных бумажных самолётиках, чтобы интереснее и веселее было смешивать его с крылатыми живыми существами, и наблюдать, насколько они станут похожи друг на друга. Ветер тоже то частенько, а то изредка помогал Пашиным мечтам, уже тогда озабоченным одними лишь самолётами: если у него бумажный самолётик после недолгого полёта начинал медленно снижаться в круговую, или просто прямо пластом, или боком на землю, во двор, на дорогу, на ветки кустов, полянку, то сильный, слабый, или средний ветер, ветрище, ветерок подымал его самолёт обратно вверх, иногда даже выше всех зданий, кружил его в небе на той предельной высоте, качал его, как корабль на волнах, а потом удивал его за, рядом стоящие, здания, на крыши, чужие балконы, или назад на землю. Трёхлетний Павел очень был счастлив наслаждаться теми мгновениями полётов бумажных самолётов, и представлять себя их пилотом. Детские мечты его с представлениями стали заходить настолько далеко, что он в будущем захотел, точнее твёрдо решил стать пилотом. И не просто пилотом, а сказочным пилотом в сказочной стране на волшебном самолёте, который обязательно будет летать на любой выдуманной высоте, откуда станет видно, как там внизу происходят только добрые чудеса.

2.

Комнатушка у Крылатовых почти ничем не отличалась от других в этом семейном общежитии, впрочем, как и во всех остальных на то время. Заходя с общего коридора в деревян-

ную дверь их отведённого уголка, можно всё его содержимое запомнить с одного мимолётного взгляда: под ногами поскрипывал деревянный гладкий, выкрашенный в коричневый цвет, пол, на который были брошены маломальские коврики в тех местах, где больше ходили; а под полом находилась штукатурка соседнего потолка снизу. В их комнате тоже потолок не выделялся чем-то другим с люстрой освещающей, а над ним под железобетонной крышей, закрывающей весь дом, располагался чердак с голубятником, куда Паша постоянно лазил, брал голубей на свои маленькие нежные ручонки, гладил их, а потом отпускал их с рук, и они летели, махая своими крылышками, словно ожившие самолёты. Смотря прямо – видишь одно большое окно с небольшим балконом, с толстой форточкой, и со старой сыпчатой белой краской. Над окном была прикручена гардина, с которой свисали полупрозрачные шторы. Под толсто-деревянным, полушироким, старовыкрашенным белым цветом, подоконником проходили две толстые батареи, проходя через одну стену, и выходя в другую – параллельно проходящей, а на подоконнике стояли горшки с цветущими цветами. На самой середине комнатухи стоял круглый стол средней высоты с рядом стоящими тремя стульями. На столе почти до самого полу была раскинута узорчатая скатерть. Бросая взгляд прямо на окно, то слева от него стояла большая кровать, где спали родичи Павла, ну и он с ними частенько, а напротив её детская кроватка самого Павла, а возле неё тумбочка с зеркалом, через которую Павел и попадал в свою кроватку: сначала с пола залезая на тумбочку, а затем перелезая в своё мягкое и тёплое постельное укрытие на ночь. А после тумбочки с зеркалом шли деревянные, бумажные, пластмассовые, и мягкие игрушки Павлуши, хранящиеся в коробках, пакетах, или просто на полу. Рядом с родительской большой кроватью – по ближе к дверям, был поставлен огромный шкаф, высотой под потолок, шириной чуть больше метра, и длиной метра два с половиной, не меньше, с многочисленными отсеками, по которым были разложены: посуда, аптечка, моющие средства, и другие принадлежности – но это только одна часть шкафа, вторая отвечала за роль комода или шифоньера, потому как там хранились одежда и бельё. Над Пашиными игрушками висела полка, прибитая к стене, содержащая в себе книги, тетради, и тому подобное. На стенах в некоторых местах, особенно в углах – чернели, понемногу отклеивались, и рвались давно не меняемые старые обои, пахнущие плесневелой сыростью в дождливую погоду. Ежели смотреть прямо от окна, то рядом с дверями слева находился небольшой холодильник, а на нём телевизор с газетой. Справа ж от дверей служил выключатель. Исходя от лампочки с электрическими приборами мы понимаем – в комнате была проведена проводка как минимум с парой розеток, находящиеся ближе всех на стене к холодильнику и к телику... Ну, вроде больше нечего описывать по живому уголку Крылатовых среди всего общежития, где всё по основе схоже друг с другом. Кухни, туалеты, и душевые были общими на каждом этаже.

3.

Почти везде по всей комнате, вернее каждое её свободное пространство было забито Павлушиными самолётками различных моделей и конструкций, после игр с ними. Когда ему одному надоедало играть в своей комнатухе, то он брал с собой свой самый большой зелёный пластмассовый самолёт, на крыльях которого были ярко выражены две красные звезды, и звал с собой играть в него таких же ребятешек, как и он сам, только некоторые из них являлись чуть по старше. И вот, соберутся дети – друзья Павлуши, что не прочь его и сами позвать, своей толпучкой, и носятся один за другим строем, путаясь под ногами у взрослых. А взрослые, не обращая на то внимание шибко, только радовались им, глядя на них – расцветали, и сами от таких мгновений на некоторые моменты могли почувствовать в себе подобных детишек, но только кроме одной престарелой женщины – ей было лет 50 с копейками на вид, средний рост, полная фигура, и очень громкоголосая. Детей она своих вырастила, отправив в путь по самостоятельной жизни, и давно уж их с внуками ей не выпадало возможности увидеться. Мужик

у неё постоянно выпивал. Она, бывало, так на него срывалась, что всё общежитие стояло на ушах.

И вот, когда Паша со своими друзьями по этажу пробежал возле неё вплотную из-за тесного коридора, она не могла терпеть их поведения, и начинала кричать на них:

- А ну-ка кыш! Это что ещё такое?! Это что за дети такие?! Сколько раз им говорено – не мешайтесь под ногами, не то зашибу и не замечу! Но нет, они всё равно за своё! Ничего не понимают! Пищат, да лезут, проявляя своё безкультурье!.. Эх, невоспитанные! – безразлично махая на них рукой.

Остальные взрослые, смотря на неё, покачивали своими головами в негативную сторону, тем самым отправляя недовольство в её адрес из-за её хамского отношения даже к детям. А Павел, поднимая руку вверх со своим самолётом, бежал впереди своих друзей, ведя их за собою бесстрашно, так как ноль внимания было у него на ту кричащую женщину, как и у всех его друзей сзади. Они только смеялись над ней за спиной Павла, переключая свои глаза то на неё, то друг на друга, и прикладывали указательные пальцы к виску, вертя его, тем самым показывая жест, что она сумасшедшая, и опять продолжая над ней всем детским хором смеяться.

Паша со своими друзьями выбегал во двор, давая им свой самолёт поиграть. И они, дружно делясь, передавали его из рук в руки, по очереди бегая с ним, и издавая такие вот звуки:

- Ву-ву! – как будто представляя себя лётчиками, но не настолько сильно, как Паша.

Наигравшись досыта, друзья подходили к Павлику, отдавали ему, ни с какой стороны даже не поцарапанный, самолёт игрушечный, и один мальчик у него спрашивал:

- А откуда у тебя такой классный самолёт?

А Павел, неизмеримо гордясь своим папой, с той же гордостью не подменной отвечал ему:

- Это мне его папа подарил. Он у меня военным: лётчиком истребителем был, в Афганистане воевал. И я, когда вырасту, и стану таким же большим, как папа, то тоже буду лётчиком, тоже буду воевать, и тоже стану героем страны, как мой папа. – глаголил так уверенно Павел им, во всём всегда приводя в пример своего отца, выделяя ему самое почётное место для своего кумира, и ничего не понимая ещё в войне, что нужно. Но это только тогда – в детский период его жизни. Ведь в будущем, к сожалению, ему придётся всё обязательно осознать, и перестроить свои детские мечты совсем по-другому...

После очередной счастливой прогулки ребята поднимались на свой четвёртый этаж и слышали, как та громкоголосая женщина снова на весь дом ругала, кроя добавленным матом, своего пьяного мужика:

- Опять ты нажрался до, хрен знает, чего! Да когда же в конце концов твоя пьянка прекратится, и ты мне позволишь хоть немного покоя?! Мне уже, если честно, надоело тебя выклинивать из милицейских обезьянников за твои дурные выходки! Вот если ещё хоть раз такое повторится, то я тебя больше выпрашивать оттуда не стану! Посидишь там несколько суток, может протрезвеешь хоть, пусть и через тяжкие отходняки, человеком станешь, образумишься, узнаешь по своим поступкам, что на самом деле несёт в себе твоя пьянь! Тебе самому то не надоело повседневно жрать хлеще лошади?!...

Паша с ребятами приостановился, прислушался, потом поднялся на несколько ступенек выше, выглянул из-за перил, и узрел, как громкоголосая женщина хлестала в придачу полотенцем своего пьяного мужа, который прижался к стенке, слегка шатаясь, подкашивал ноги.

А женщина, после своего недолгого ругательства на мужа, закинула полотенце себе на плечо, положила руки на пояс, и постепенно начала успокаиваться. Павлику и его друзьям через небольшой страх на свой риск надо было пройти через неё устрашающую, чтобы разойтись по своим комнатам, что они с совместной смелостью и решили сделать.

Они также строим, но в тот особый раз уж максимально спокойно стали проходить мимо неё; а та, переключившись с мужа теперь на детей, из-за своего испорченного настроения, вновь срывается на них:

- Опять вы тут ползайте?! А ну-ка живо марш по своим комнатам, чтоб я вас не видела!

Из толпы ребятишек к ней повернулся самый старший мальчик, словно то же самое заставляя повторить остальных за собой, и выдал:

- Вообще-то мы туда и направлялись. А вы нам не указывайте! Вы нам не мамка, чтобы нам указывать. Надоела уже!

После этого ребятишки принялись расходиться по своим местам, а женщина от удивления неожиданного выпучила свои бешеные моргалы, и в непонятках затупила:

- Что?!... – вытянула она с достаточно длинным многоточием.

Но прежде, чем успеть произнести что-то последующее в привычном духе – пьяный муж её перебил, всё также шатаясь, прислоняясь к стенке, и не контролируя глаза:

- Что ж ты, матушка, не на своих детей то глотку рвёшь?! Мало того, что ты мне никакой жизни не даёшь, дак ты ещё и другим вставать поперёком успеваешь. Вот чего плохого тебе эти детишки сделали? Дай ты им счастливо поиграть. Жалко тебе что ли?!...

Женщина сперва слегка призадумалась, полностью успокоилась, выдохнув, и от малейшего стыда даже забегала глазами по сторонам... Но в скором моменте она снова вернулась в себя, и продолжила орать на мужа:

- Ну видите ли, защитничек выявился! Жалко знаешь где и у кого?!... Я тебе щас тоже такое жалко покажу – голова откатится! – после своих грозных слов она схватила своего мужика за шкварник, как котёнка непослушного, открыла двери своей комнаты, и стала затаскивать его вперёд себя.

Бедный мужик что-то мямлил неразборчиво себе под нос, но то перебил хлопок двери за собой от тяжёлой руки его жены.

Паша – испытывающий счастье ребёнок, забежал со своим самым большим самолётиком в свою комнату, и снова поднял его над собой:

- Ву-ву-ву! – с такими звуками он бегал с ним по всей выделенной площади: вокруг стола, запрыгивал на родительскую кровать и скакал на ней, затем он снова спускался на пол, и продолжал бегать по комнате, изредка посматривая в окно на небо, и представляя, что там летит его самолёт. После своих представлений с мечтаниями он снова начинал носиться по комнате, ярко выражая свою мальчуганскую гиперактивность, не утомляясь и не находя себе покоя.

Внезапно в комнате выключился свет, и чьи-то руки схватили сзади маленького Пашу:

- Ага! Попался! Который метался и смеялся! – раздался нежный, хоть и мужской, с весёлостью голос Витали – папы Павла.

Сам же Павлик по началу испугался, и чуть ли не вскрикнул уж, но потом, ощутив папины надёжные руки, успокоился, тоже также обрадовавшись и засмеявшись. Его детский смех просто не мог не заставить Виталию поднять своего сынишку на свои сильные руки, и не начать качать, и ласкать его.

Виталия выражал свою любовь к сыну через открытые отцовские чувства, подкидывал его вверх и ловил обратно на свои крепкие руки. Потом он ложил его горизонтально – животом на ладони, а Пашка только распускал свои ручонки в стороны и превращался в самолёт, которым управлял его папа: качал и вертел его во всех направлениях – снизу вверх, сверху вниз, в круговую, и наговаривал, сказочно радуясь своему сынишке:

- Набираем высоту! – поднял он его вверх: - Набрали! Высота 800 метров! Летим! Скоро преступим к выполнению военного задания! – кружит его: - Полёт нормальный! Скорость 300 км в час. Пролетели взрывоопасное расстояние! Перехожу на посадку! – спускает его к полу, и резко снова задирает вверх: - Сели! – радуется он также, как и Паша, слегка запыхавшись. Затем

Виталия перевернул Пашу в исходное вертикальное положение, и, приготовившись целовать его, наговаривает ласково: - Объект опознан. Приближаюсь к Пашкиным губкам, щёчкам, и лобику. И как сейчас начну их... Целовать! Целовать! Целовать! – потёр он своим толстым носом Пашин маленький носик, и стал его нацеловывать в области лица: в его пухленькие розовые щёчки, в его широкий полу вытянутый лобик под длинным чупом светло-коричневых длинных и мягких, как трава на ветру, волос, и в его тоненькие улыбочивые губки.

После своих нетерпимо ожидаемых поцелуев Виталия понёс Пашу на руках в его кроватку, положил его туда и стал раздевать, снимая с него всю верхнюю одежду, успевая наглаживать его своими тёплыми большими ладонями по голове и по животу. А Паша только успевал улыбаться, и вглядывался в такую же улыбку отца.

Когда Виталия полностью, вернее до трусиков раздел Пашу, и уже почти укрыл его тёплым одеялом, Паша перед сном успел спросить у папы:

- Папочка. – вступил он подлизывающимся голосом: - А я стану таким же сильным и смелым лётчиком, как ты?.. Я буду летать по небу?

- Хм. – призадумался Виталия с ухмылкой и хитрыми глазами: - Конечно же станешь! Куда ты денешься! С твоим то нетерпеливым стремлением просто никак невозможно самым лучшим лётчиком в мире не стать. – ответ дал ему уверенно папа, может шутя, а может и всерьёз... Непонятно. Перемешанное чувство было у него внутри, ведь он же ещё всего лишь ребёнок – думал он – и неизвестно, как жизнь то ещё повернётся.

Ну и пусть тогда его будущее не определено ещё было, зато направление уже выбрано.

Виталия далее сказал нежно сынишке, в своей тёплой надежде с искренним пожеланием ему на добрый сон:

- А сейчас, когда время уже много, и за окном темно, значит что?.. Правильно. Это значит, что нашему Павлуше пора спать. Пускай тебе приснится самый волшебный сон на свете, где исполнятся все твои желания.

Паша, уже засыпая, через полусон желает себе:

- Желание у меня лишь одно: я хочу летать.

А папа ему добавляет, снизив бас на полусёпот:

- Пока во сне ты летаешь на сказочном самолёте. А вот когда вырастешь, то будешь летать на настоящем, как твой папка. – проявил он сыну свою гордость, ведя его всё ж по своим стопам, как желает и сам Павел, во что бы то не стало: - А теперь свои глазки закрывай, и давай спи мой хороший. Спокойной ночи. – пожелал ему Виталия скорый, крепкий, и чудесный сон.

Пашка повернулся на левый бочок к стенке, слегка барахтаясь, закрыл глаза, и с улыбкой милой взаимно пожелал ему тоже в полголоса:

- Спокойной ночи, папочка...

Через часа полтора пришла мама и жена – Яна. Тихо открыла дверь в свою комнатушку тоже (но так как двери были сильно скрипучими, то всё равно издали небольшой тревожный звук, от которого Паша не проснулся, а только перевернулся на другой бок), осторожными шажками с пакетами в руках зашла на порог комнаты, и, чуть запыхавшись, переводила дыхание. Виталия спеша, но тоже тихо, чтобы не разбудить сына, подошёл к ней, забрал у неё пакеты, и они поцеловались в губы.

Яна, продышась, с яркой улыбкой от накрашенных губ в красный цвет, шёпотом интересуется про сына у мужа:

- Ну как? Уснул уже?

Виталия поставил пакеты на стол рядом с готовой едой для Яны, улыбаясь своему родительскому достижению, и попросив свою жену махом головы на кроватку прислушаться хорошенько к Пашиному храпу:

- Ну как сама слышишь... Давай кушать садись. Я тебе тут наготовил на твой голодный желудок. Не праздник живота конечно, ну и всё же... - супружески предлагает, точнее заставляет он Яну, как маленького ребёнка.

А Яна, открыв шкаф, вешая на вешалку своё зелёное тёплое пальто, белый берет, и белый толстый шарф по красивому аккурату, ну как обычно это делают настоящие женщины, с предельной осторожностью закрывая скрипучую дверцу огромного шкафа, с нетерпением от жажды спешит к столу:

- Не откажусь. – ещё б от того не согласилась она: - Кушать хочу, как зверь, заморенный голодом.

Там - у стола заботливый муж уже приготовил ей стул, чтобы ей наконец-то после тяжелого рабочего дня можно стало с долго ожидаемой лёгкостью присесть, полакомиться, и отдохнуть. Яна, принявшая бескорыстную заботливость любящего и любимого Витали, улыбнулась ему любя, похлопала глазами, позже не спеша присела на стул, и начала свой ужин с чая, так как ей после долгой ходьбы и от пересохшего горла сильно захотелось попить чего-нибудь, пусть и горячего. Она двумя руками брала кружку с чаем, обогрела свои ладони, и поглощала сладкий чай маленькими глотками друг за другом, обогривая горло изнутри, и нос, вдыхая приятный его аромат.

Виталия тоже сел за стол напротив Яны, и чтобы хоть как - то начать меж ними семейный диалог, спросил у неё:

- Ну... Как прошёл твой сегодняшний день?

Яна, прекратив пить, и убрав кружку ото рта, с маловыраженным недовольством зацепляется:

- Как, как! Да как обычно. Как всегда в последнее время. Ничем не отличается от остальных. Ничего плохого, ничего хорошего, ну и ни сколь не лучше. Опять простояла в магазине за кассой, отработала сколь положено, а потом снова до дому на попутках, троллейбусах, да пешочком добиралась через весь город. И вновь я ног под собой не чувствую. Вот как прошёл мой обыкновенный рабочий день, ничем, не то, что особенным, новым не отличающийся от многих остальных прошедших; и, смотря на всё это не изменение, возможно даже и будущих.

Виталия, заметив в Яне скрытый негатив, произносит ей лишь одно слово на слышимом выдохе:

- Эх, понятно.

После недолгой паузы Яна, как будто швырнув, стучит дном кружки об стол, после чего от вибрации начинает брякать чайная ложка внутри кружки, и плескаться чай из стороны в сторону, разнося брызги:

- Да что тебе понятно?! – прибавила она громкости своему шёпоту незаметно, сорвавшись на Виталию с выражением наружу своего несдержанного накопившегося накипевшего.

А Виталия тоже добавил немного громкости, и сразу же остановил сорванную жену:

- Тише ты! Павлушу разбудишь! Он так сладко спит. – после чего посмотрел он на детскую кроватку, и успокоился, убедившись, что всё в ней хорошо.

Яна от стыда приложила ладони к голове, моментально успокоилась, и, не сдержав слёз с тихим плачем, извиняется перед мужем:

- Прости... Прости меня. Но я и вправду устала от всего этого: от работы, до которой очень далеко; от этого общежития со множеством людей разных характеров, которые не каждому дано постоянно терпеть. Почему мне приходится таскаться куда-то вдаль, чтобы хоть что-то заработать для нашей семьи?! Я от этого всего устаю, как не знаю кто. Ты вернулся с войны, а теперь что?!... В грузчиках гнёшь себе спину?! За что?!... За что нам всё это?! Мы что, какие-то проклятые что ли, чтоб жизнь заставляла нас так пахать?!... Не понимаю. Я всего лишь хочу от жизни отдельную квартиру. Нашу личную полноценную квартиру, где мы сможем жить ни от кого независимо. И самое главное: не в этой тесноте и духоте. Мы вкалываем и вкалываем, а

в очереди на собственную квартиру уж полгода как состоим, и всё никак дожидаться не можем. Хотя установленный срок истёк, а мы всё ждём да надеемся. Ну вот почему всё так, а?!

Виталья впал в раздумие от высказанного Яной, нежно взяв своими руками её руки, и пытается успокоить:

- Яна, послушай: я всё, конечно, понимаю, исходя из твоих слов. Но и ты меня пойми: мне ты можешь только пожаловаться. А вот что-то исправить, или изменить – извини, я уже не в праве. Ведь это решаю не я. А чтобы купить квартиру, то ты снова меня извини, если тебе так станет легче, но мы не такие богатые... А знаешь, что?! Я вот счастлив от такой жизни. – улыбается Виталий, расшифровав Яне почему: - Ведь взгляни на это с другой стороны, положительной: мы в стабильном достатке, и наш сынуля надёжно обеспечен нами. А самое важное заключается в том, что мы сейчас не выживаем так, как нашим бабушкам с дедом приходилось. Сейчас всё по-другому. И это «всё по-другому» означает то, что всё куда лучше прежнего. Так что, получается, мы ещё живём в шоколаде, и не стоит потому жаловаться на жизнь... Да, я согласен с тобой в том, что имеется небольшая проблема с квартирой в виде задержки, тем более мне – ветерану войны, но поверь: мы не одни такие. Есть люди, которые и год, и два, и даже пять лет стоят в очередях, и ничего – живут в таких же общагах, ждут и радуются, да ещё и у некоторых по многу детей. Так что ни чё, и мы подождём. Тем более: выбор то у нас не велик. Я верю в то, что однажды и наша очередь обязательно подойдёт, и ты должна мне верить, иначе никак, коль по – честному... Ты веришь мне?

Яна подняла на него глаза, заулыбалась ребёнком, и ответила:

- Да. Я тебе верила, верю, и буду неустанно верить... Ты уж снова прости меня. Я погорячилась. Нервы ни к чёрту от головы кругом... Ох, хорошо, что ты у меня есть. – хвалится она Виталей: - Такой выносливый и терпеливый. Ну вот что бы я без тебя делала? Как бы я без тебя смогла? Не представляю. Спасибо тебе за это. – поблагодарила она его, а потом резко опомнилась, и перевела их романтическую сцену на иную тему: - Ой! Кстати! Чуть не забыла. Я сейчас по ем, и мне нужно будет ещё сходить до подруги за молоком, сметаной, и творогом. Сегодня ж ведь воскресенье, и она должна где-то к 12-ти ночи приехать из деревни от родичей. Договаривались ещё на прошлой неделе.

Виталья предлагал:

- Давай я схожу. Ты сегодня итак досыта, видать, набродилась.

Яна отказывает ему:

- Нет, нет! Не надо. Я сама. Она тут от нас недалеко живёт, всего то пару кварталов, наперерез если брать. Тем более: бабские беседы, на которые у меня всегда остаются силы чудесным образом – не для мужских ушей, что и без того вянут. Да и потом: уйдёшь к ней, а вернёшься ни с чем, но довольный. – намекала она прямой шуткой на измену.

Но на самом то деле они никогда и не по какой причине не ревновали друг друга, так как были уверены друг в друге настолько, насколько по-настоящему и семейному любили...

Яна продолжала убивать в себе голод, досыта наелась, оделась, повесила сумку себе на плечо, и стала собираться выдвигаться к подруге. Но прежде, чем покинуть отведённый уголок, она вновь поцеловалась в губы с Виталей, и промолвила с улыбкой:

- Не скучай, я скоро вернусь. – взглядом послав ему знак, что у них в ту ночь выпадут кайфовые минуты перед сном.

Яна ушла, Паша спал, на столе продолжала гореть свеча, как маяк в море вместо ориентировочного света в темноте.

Виталья достал с полки свой армейский фотоальбом, сходил до холодильника за бутылкой водки, открыл там ту страницу, где была фотка с его военными товарищами, перевязанная чёрною лентой, и помянул:

- Фух. За вас пацаны. В этот же день ровно три года назад вы все погибли. Я один в живых остался, непонятно для чего. Ведь продолжение рода я уж тогда исполнил. – после

своих мужичьих слов он залил в себя целую чекушку водки воронкой, и даже не закусил, чтоб быстрее догнало, потому только занюхал серым хлебом.

Ещё не протрезвевший мужик громкоголосой женщины проснулся ближе к полуночи, встал с кровати в майке и трусах, и своими шатающимися шагами, что не отрывали пяток от пола, разбудил свою, и без того грозную, жену:

- Куда это тебя ещё ноги понесли?

- В туалет, нужду справить. – передразнил он её в ответ.

Она ему угрожает по поводу пьянки:

- Ну смотри мне! Не дай тебе Бог, если ты пойдёшь не туда, куда мне говоришь, я ж тогда не знаю, чё я с тобой сделаю... Да смотри, хоть туалеты там не перепутай.

Мужик ей уверенно говорил:

- Не бойся, мать! Между прочем, у меня ещё и на ногах глаза имеются, и они сами могут довести меня дотуда по мышечной памяти, куда мне нужно.

Как только мужик покинул на несколько минут свою комнатку, пойдя в сторону туалета, то начал на полную громкость собственных связок хайлать напевом песни.

Виталья подошёл к календарю на стене, сорвал лишнюю бумажку прошедшего дня, на следующей увидел пошедшее число «13-е октября 1987-го года», и вдруг услышал, как в коридоре шибко громко тот пьяный мужик голосит, и от его рывканья у Паши за сбивался сон, и он стал дёргаться и барахтаться по всей своей кровати.

Виталья вышел в коридор разбираться, остановил пьяного мужика, и просит его:

- Перестань шуметь, у меня маленький ребёнок спит.

Но мужик, не желая по-доброму, с проснувшейся синей смелостью начинал нарываться:

- А ты кто такой вообще, чтобы мне указывать, а? Здесь тебе не армия, да и я старше тебя в полтора раза! Так что прояви уважение. Ты мне не начальник, а я тебе не подчинённый!

Виталья поправлялся:

- Я тебе не указываю, а прошу.

Но мужик всё равно не тормозил, продолжая борзеть через чур:

- Можешь просить у кого угодно, но только не у меня! Я вам не Бог, чтоб у меня просили! Я сам по себе – что хочу, то и ворочу! Ты понял?! – схватил он рукой Виталью за шею.

А Виталья, с реакции в ответку, оторвал одной рукой его руку со своей шеи, и своим каменным кулаком на другой как втащит пьяному в солнечное сплетение. Тот присел с ограниченной дышалкой, схватился руками за живот, загнулся, и скорчил жалкую физиономию.

Теперь Виталья взял его за шею, и пригрозил:

- Слышь, ты – магнитофон ходячий, прибавленный на максимальную громкость! Если ты сейчас же не убавишь свой звук до минимума, и ещё хоть раз подобно осмелишься его прибавить, я тебя сразу скину прям с нашего 4-го этажа на улицу головой вперёд! Ты понял?!

- Понял... Понял. – ответил тот сквозь хрипящий голос, продолжая невольно корчить лицо.

Виталья хлопнул его по плечу прежде, чем отдалиться:

- Ну раз понял, то свободен... Отдыхай салага старшая, да жизни не выдавая.

Немного протрезвевший мужик поднялся на ноги, и, сгорбившись от удара, продолжил идти до туалета, бормоча про себя:

- Фух! Ладно стерпел – не перессался весь... Что за люди пошли такие звериные? Чуть что - сразу в драку. Просто беспредел како-то такими - то темпами в стране намечается.

Виталья бегом по ступенькам спустился с 4-го этажа на улицу, достал из-за уха сигарету, и подкурил её, медленно затягиваясь, и выпуская дым.

Шатающийся мужик кое-как добрался до унитаза, и с облегчением приступил справлять нужду. Вдруг у него перед лицом пролетела искра, и настораживающее чувство заставило подтолкнуть себя на то, чтобы поднять свои перекачывающиеся глаза вверх, и узреть испуганно,

как из-за загоревшейся проводки из вентиляции в стене, убедившись, что это не глюки, посыпалась целая куча искр, и вспыхнуло пламя.

Он мигом прекратил своё дело, и не раздумывая, понёсся по коридору, крича во весь голос:

- Пожар! Пожар!

4.

От криков мужика с провизгами все проснулись, не успев недавно только уснуть с одним всеобщим желанием – хорошенько выспаться, и обозлённые с просони повыходили со своих комнатушек, протирая кулаками глаза, и лениво зевая.

Мужик в панике продолжает орать, запыхаясь:

- Там пожар!

Но жильцы, ничего подозрительного не замечая, переглянулись друг на друга и стали дружно смеяться над ним, тыкая и показывая на него пальцами.

Из той смеющейся толпы людей выходит его громкоголосая жена, и в край удивляется ему:

- Ты чё малахольный! Совсем с дуба рухнул?! Или к тебе белочка уже заявила?!

Мужик обижается, что его пьяного не воспринимают всерьёз:

- Вы мне не верите что ли?! Там реально огонь полыхает всюю по вентиляции! Да мы тут щас все сгорим нахер, ежели вы будете продолжать стоять и ржать, не предприняв в помощи никаких действий!

Его жена схватила его за шкварник, и отругала:

- Иди проспись, ненормальный! И перестань позориться перед людьми! Итак мне тошно за тебя – алкашину такую!

Намечалась суровая гроза с проливным дождём, за облаками бушевал грозный гром, издавая звуки, как выстрелы из пушек эхом, а то и громче даже. Виталья продолжал курить, и засматривался на небо, мечтая, иль думая о чём-то своём. Соседи по этажу насмеялись досыту над пьяным мужиком, прекратили, приняв суровые виды, и стали расходиться обратно по своим комнатам. Но как только они разомкнулись, и почти разошлись, с кухни раздался такой ба-бах, что аж взрывной волной вынесло перегородку меж ей и коридором, и поднялось пламя среди пыли. Люди упали на пол невольно, находящиеся по близости. Кого контузило, кого оглушило, кого ранило, но все остались живы, пока что...

Виталья услышал, как над ним словно лопнуло окно, и упало рядом с ним на тротуар, разлетаясь вдребезги осколками стекла.

Он махом выплюнул сигарету изо рта, и загнал себя в ужас:

- Пашка! – в бескрайнем страхе за сына, одного из самых дорогих ему оставшихся на свете, бросился он изо всех сил бежать за ним наверх, откуда и пошло возгорание.

Сам же Паша, от громкого шума людей, порождающих с каждой секундой всё большую панику, тяжело открыл глаза, и весь переморщился...

Один мужчина в толпе ничего не понимающих, и кашляющих от дыма и пыли, людей, орёт, тем самым командуя так, чтоб все его слышали и не сходили с ума, не то погорят точно мол:

- Внимание! Все на меня! Несколько мужиков выводят спокойно, но как можно быстрее, женщин, детей, и пожилых на улицу. Потом вызывайте пожарных и скорую помощь! А остальные мужики – те, кто по крепче и выносливей, за мной! – приказывает он гордо: - Мы попытаемся задержать огонь!

- А если не получится? – сомневается один из мужиков.

- А если не получится... - думает командующий: - То на сколь сможем – выстоим! Без жилья оставаться не хочется совсем! Пока новое подыщут, возможно ещё хуже этого, мы и по бомжевать успеем! Так что всё! За работу, мужики! Чем скорее, тем лучше! – не растерялся он повести за собой всех людей того общежития, сыграв важную роль настоящего лидера. Некоторые – аллергические затыкали себе сырыми тряпками, успевшие найти, рот с носом от пыли с дымом, и продолжали идти за другими, спасая свои жизни и жизни своих близких с одножилльцами. Взрослые брали маленьких детей себе на руки, прижимали плотно к себе, и закрывали их большим верхним бельём в виде курточек, пальто, одеял, или полотенцев; а детей по старше и по тяжелее выводили за руки. У кого находились домашние питомцы, тех тоже упасали от огня...

Люди со всех этажей сбегались единой цепочкой, и по очереди выделялись на улице, проверяя забранные важные документы. Только Виталя наоборот бежал в самый эпицентр, откуда все бегут, со всеми силами прорываясь через всех шумных людей, спускающихся ему навстречу.

Главкомандующий мужик, сумевший отдать свои намерения так идеально, чтоб их также идеально выполнили, с оставшимися мужиками любыми попытками пытался потушить огонь. Все использованные огнетушители опустели. Всё, что было накинуто на огонь – сгорело так скоро, как будто и не было вовсе. Даже вода прекратила подавать последнюю надежду не то, что на потушение, хотя бы сдерживание огня. Мужики уж перепробовали не по разу всякие попытки, и начинали их пробовать по новой, но огонь только становился всё больше и больше.

В быстром темпе Виталя по пути подбежал к, потушающим огонь, мужикам, и спрашивает:

- Что здесь произошло?

Главкомандующий ему, запыхавшись, отвечает:

- Да по ходу где-то проводку, сука, замкнуло! Общага то чё уж старая! Всё в ней, как на соплях давно держится! Вывод сам видишь теперь – пожар! – размахивал он ещё руками.

Вitalia, свидетель наперёд неизбежное сторание общаги полностью, говорит им оставшимся:

- Бесполезно, мужики! Всё равно сгорит! На кухне газ в комфорках плит тоже пропускать может! Так что надо успеть свалить отсюда, пока ещё раз не рвануло! Не то иначе огонь + газ вряд ли кому понравится!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.